

Въ страну Италиі златой.  
 «Забуду-ль васъ, сказать онъ, други?  
 Тебя, о сѣвера вино?  
 Забуду-ль въ мирные досуги,  
 Какъ веселило насъ оно?  
 «Снѣга и вихрь зимы холодной,  
 Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,  
 И базалайки звукъ народной,  
 И томный вечера припѣвъ?  
 Душа души моей! тебя ли  
 Загладать въ памяти моей:  
 Страна далекая, печали,  
 Языкъ презрительныхъ людей?  
 «Нѣтъ! и подъ миртомъ изумруднымъ  
 И на Гельвенціи скалахъ,  
 И въ градѣ Рима многолюдномъ—  
 Все будешь ты въ моихъ очахъ?»  
 Въ коляску сѣсть, дорогой скучной,  
 Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ;  
 А колокольчикъ однозвучный  
 Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

### Портреты.

#### I.

Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвуш-  
 кѣ. Она въ немъ думала узнать меня. Воля за  
 какого эгоиста принимаютъ обыкновенно поэта.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,  
 Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;  
 И на челѣ оставилъ роги,  
 Средь юныхъ дней, печать страстей.  
 Власы на немъ, какъ смоль, черны;  
 Блѣдны всегда его уста;  
 Открыты ль, сомкнуты ль они,  
 Любятъ безъ словъ языкъ боговъ!...  
 И пылаетъ онъ, когда надъ нимъ  
 Грозитъ бѣдой перунъ земной!  
 Не любить онъ и славы дымъ;  
 Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,  
 Смѣется рѣдко; чаще—вновь  
 Клянется онъ міръ, гдѣ вѣчно сирѣ.  
 Коварность, зависть и любовь  
 Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,  
 Какъ призракъ дымныя мечты.  
 Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,  
 Не тронуть слезы красоты.  
 Вездѣ одинъ, природы сынъ,  
 Не зналъ онъ друга межъ людей;  
 Такъ бури токъ сухой листокъ  
 Мчитъ жертвой посреди степеней!...

#### II.

Довольно толстъ, довольно тученъ  
 Нашъ полновѣсистый герой.  
 Не рѣдко веселъ, чаще скученъ,  
 Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.  
 Онъ добръ, членъ нашего Парнаса  
 Красавицамъ Москвы смѣшонъ,  
 На крыльяхъ дряхлаго пегаса  
 Летаетъ въ міръ мечтанья онъ.

Глаза не слишкомъ говорливы,  
 Всегда по модѣ онъ одѣтъ,  
 А щеки—полненныя сливы,  
 Такъ говорить докучный свѣтъ.

#### III.

Лукавъ, завистливъ, золь и страстенъ  
 Отступникъ Бога и людей;  
 Холоденъ, вѣсьмъ почти ужасенъ,  
 Своими ласками опасенъ,  
 А въ заключеніе—злодѣй!...

#### IV.

Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или от-  
 рава,—  
 Возвышенной душой: предметъ стрех-  
 ленья—слава.

#### V.

Всегда онъ съ улыбкой веселой  
 Жизнь любить и юность румяну,  
 Но чувства глубоки питаетъ,—  
 Не знаетъ онъ тайны природы.  
 Онъ скрытенъ всегда, постояненъ,  
 Не знаетъ горячихъ страстей.

#### VI.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,  
 Сна и низкихъ всѣхъ людей;  
 Онъ любимецъ наслажденій,  
 Врагъ губительныхъ страстей!  
 Русы волосы кудрями  
 Упадаютъ средь ланитъ;  
 Взоръ извѣженъ, и устами  
 Онъ лишь рѣдко шевелитъ.

### Къ Генію.

Напоминаніе о томъ, что было въ ефремовской  
 деревнѣ въ 1827 году, гдѣ я во второй разъ ак-  
 билъ 12 лѣтъ—и понявъ люблю.

Когда во тѣмъ ночей мой, не смыкаясь,  
 взоръ  
 Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ  
 дней укоръ  
 Когда зоветъ меня, невольно, къ воспоминанью:  
 Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...  
 О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь  
 мою  
 И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»  
 Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь  
 тоскою,  
 Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною  
 Такъ счастье вѣдалъ я — и сладкій мигъ  
 исчезъ,  
 Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падачей средь  
 небесъ!  
 Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:  
 Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохно-  
 веній  
 Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда  
 Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...